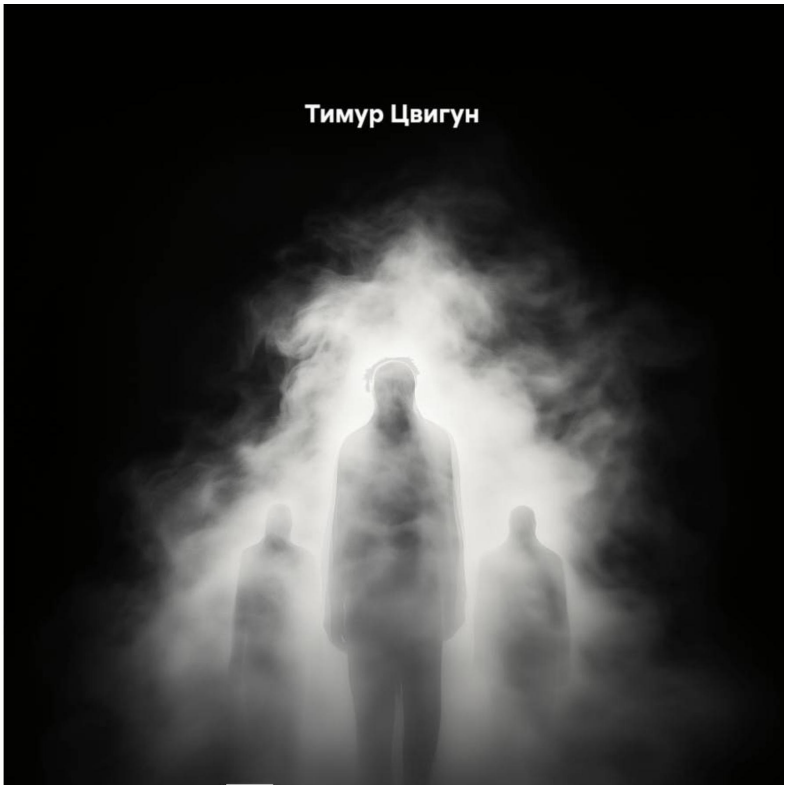
Тимур Цвигун



Бункер номер

Тимур Цвигун
Бункер номер 7

https://litres.ru/75039668
SelfPub; 2026

Аннотация

Макс — блогер, который хочет славы. У него есть миллионы подписчиков, профессиональная камера и амбициозный план: спуститься в заброшенный Бункер-7 и снять самое большое исследование в истории своего канала. Он не верит в монстров. Он верит в контент.

Но бункер — это не просто бетонные стены и ржавые лестницы. Это лабиринт, который меняется. Это детский сад с рисунками на стенах. Это морг, где тела не истлели за тридцать лет. И это голос, который знает его имя.

С каждым днём Макс спускается всё глубже. С каждым днём он теряет связь с миром. И с каждым днём он всё ближе к десятой ночи — той самой, о которой предупреждали дневники и надписи на стенах.

«Бункер-7» — это психологический хоррор о том, что бывает, когда человек слишком долго смотрит в темноту. Она начинает смотреть в ответ. И иногда — забирает навсегда.

Тимур Цвигун
Бункер номер 7

БУНКЕР-7

Книга ужасов

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: Вход

Часть первая: Последний звонок

За три часа до спуска Макс сидел в своём «УАЗе» и смотрел на лес. Лес смотрел на него в ответ.

Он был чёрным, как будто кто-то вылил на землю чернила. Дождь моросил с самого утра — мелкий, противный, проникающий везде. Макс сидел двадцать минут, не выключая двигатель, и слушал, как дворники скребут по стеклу: вжик-вжик, вжик-вжик.

На пассажирском сиденье лежал телефон. Прямой эфир. Десять миллионов подписчиков. Восемьсот тысяч смотрели сейчас. Чат летел вверх так быстро, что Макс не успевал чи-

тать.

«ТЫ РЕАЛЬНО ТУДА ПОЙДЁШЬ?»

«Это фейк, да?»

«Я живу в 50 км отсюда, тут люди пропадают»

«НЕ ХОДИ»

«КОНТЕНТ! КОНТЕНТ!»

Макс взял телефон, поднёс к лицу. Улыбнулся — отрепетированной улыбкой, как у Индианы Джонса.

— Привет, ребята, — сказал он ровным голосом. — Я на месте. Точнее, почти. Лес передо мной. Бункер — за лесом. Я иду.

Чат взорвался. Восемьсот пятьдесят тысяч. Росло. Хорошо.

— Я проведу там десять дней. Каждый день — новая локация. Это будет самое большое исследование в истории моего канала.

Он сделал паузу. Драматическую. Репетированную.

— И потому что десять миллионов вас хотят это увидеть.

Он выключил эфир. Положил телефон в карман. Посмотрел на лес.

— Ладно, — сказал он сам себе. — Погнали.

Часть вторая: Снаряжение

Макс вышел из машины. Дождь ударил по лицу — холодный, свежий, с запахом хвои и мокрой земли. Он открыл багажник и начал проверять снаряжение. В десятый раз. Может, в двадцатый.

Силиконовый плащ — ярко-жёлтый, с чёрными вставками — обхватил тело, как вторая кожа. Макс застегнул молнию до горла, поправил капюшон. В карманах: фонарь на 2000 люменов, запасной, нож, мультитул, зажигалка, верёвка, рация, аптечка, еда, вода.

Поверх — разгрузочный жилет, чёрный, тактический, с двенадцатью карманами. Батарейки, карты памяти, компас, GPS, зажигалка, мультитул, нож, аптечка, рация, еда, вода. Жилет сидел плотно, не мешал.

Противогаз — советский ПМК-2, найденный на военном складе за тридцать тысяч. Резина мягкая, стекло чистое, фильтр новый. Макс проверил герметичность: надел, подул. Клапан щёлкнул. Идеально.

Рюкзак — немецкий, тактический, на пятьдесят литров. Сорок килограммов. Палатка, спальник, коврик, горелка, продукты на десять дней, вода, аптечка, инструменты, запасной противогаз, три АЗК, металлоискатель, верёвки, карабины, фонари, два дрона, пауэрбанк. И камеры — пять штук. Основная на груди. Экшн-камера на шлеме. Штативная. Запасная. Резервная.

Макс проверил все. Батареи полные. Карты чистые. Нажал запись — красная точка загорелась.

— Мы на месте, — сказал он глухо. — Точнее, почти.

Часть третья: Лес

Лес начинался за бетонным забором. Макс пролез через дыру, заросшую папоротником. Деревья стояли стеной — тёмные, мокрые, безмолвные. Ни тропы, ни просвета. Только тьма и дождь.

Компас показывал на северо-восток. GPS совпадал. Макс пошёл вперёд. Лес смыкался за спиной, как вода в проруби. Луч фонаря выхватывал стволы, покрытые мхом, корни, как пальцы мертвецов, чёрные лужи.

Через час он остановился. Выпил воды. Снял капюшон, подставил лицо дождю. На секунду показалось — он просто в лесу. Просто гуляет.

Потом услышал шаги.

Не свои. Чужие. Тяжёлые, медленные, за спиной. Обернулся. Ничего. Только тьма и деревья.

— Эй? — крикнул он. — Кто здесь?

Тишина. Дождь. Ветер.

Макс пошёл дальше. Быстрее. Шаги не повторились. Но он чувствовал: кто-то смотрел. Кто-то шёл рядом. В тени. Как будто лес был живым.

Через два часа деревья стали кривыми, искривлёнными, будто их пытали. Кора сорвана, обнажая белую древесину. На ней — следы. Глубокие борозды. Как от когтей.

Макс подошёл. Посветил. Борозды на высоте трёх-четырёх метров. Слишком высоко для медведя. Слишком глубоко для косули. Провёл пальцем — царапина свежая, края не потемнели.

— Смотрите, — прошептал он в камеру. — Царапины. Кто-то драл деревья. Или что-то.

Он записал, измерил, сфотографировал. Пошёл дальше. Рука на ноже.

Он не верил в монстров. Но верил в опасность. И опасность была здесь.

Часть четвёртая: Дуб

Дуб появился внезапно. Поляна. Круглая, как будто выжженная. В центре — дуб. Огромный, мёртвый, с чёрными ветвями, как пальцы скелета. Ствол в три обхвата. Посередине — трещина. Глубокая, широкая. Не прямая — изгибалась, пересекалась с другой, образуя крест.

Макс остановился. Сердце забилось быстрее.

— Вот оно, — прошептал он. — Крестообразная трещина. Инструкция верная.

За стволом, под корнями и мхом — люк. Чугунный, ржавый. Приоткрыт — щель в палец. Макс отодвинул гнилые доски. Петли застонали. Из люка пахнуло холодом, сыростью и сладковатым, тошнотворным запахом разложения.

— Так, — сглотнул он. — Вход найден. Спускаемся.

Надел противогаз. Резина обхватила лицо. Дыхание стало громким, как в трубе.

— Ребята, — сказал он. — Я спускаюсь. Если связь пропадёт — не паникуйте.

Взялся за первую скобу. Металл холодный даже через перчатки. Начал спуск.

Лестница длинная. Очень длинная. Двадцать скоб, сорок, шестьдесят. Воздух тяжелее, холоднее. Фонарь выхватывал стены — бетон, плесень, чёрная и зелёная, стекающая, как кровь.

На восьмидесятой скобе — пол. Гулкий звук. Макс посветил.

Коридор. Широкий, высокий — потолок терялся в темно-

те. Стены уходили вперёд, в бесконечность. Через каждые десять метров — двери. Металлические, с номерами.

— Господи, — выдохнул Макс. — Это не бункер. Это… город.

Часть пятая: Первый склад

Коридор тянулся на сотни метров. Макс шёл медленно. Пол в пыли, но местами — следы. Отпечатки ботинок. Старые. И другие — не ботинок. Слишком большие, длинные, с бороздами от когтей.

Макс присел. Длина — почти метр. Ширина — тридцать сантиметров. Три пальца с когтями.

— Это не человек, — прошептал он. — И не медведь.

Записал, измерил. Пошёл дальше, стараясь не наступать на следы.

Первая дверь приоткрыта. Табличка: «Склад №1. Инвентарь». Толкнул. Скрип.

Стеллажи. Ящики. Макс посветил. Противогазы. Десятки. Советские, чёрные. Рядами, как головы казнённых. Неко-

торые на манекенах — пыльных, с пустыми глазницами. Макс вздрогнул.

— Жутко, — сказал он. — Но это то, за чем я пришёл.

Начал собирать. Противогазы в рюкзак. Фильтры отдельно. АЗК — в углу, в ящике «Для личного состава. 200 шт.». Внутри пятьдесят. Взял три.

— АЗК, — показал камере. — Защита от радиации, химии, биологии.

Нашёл аптечки — армейские, срок истёк, но пригодные. Пакеты, жгуты, антидоты. Всё в рюкзак.

Через два часа вышел с полным рюкзаком. Сорок килограммов стали пятьюдесятью. Поправил лямки. Пошёл дальше.

Коридор вёл вниз. Пандус, ржавый металл. Ступил. Застонал, но выдержал.

Часть шестая: Второй уровень

Второй уровень больше. Коридоры разветвлялись. Компас крутился. GPS не работал. Макс отметил путь мелом и

пошёл.

Комната отдыха. Стол, стулья, шкаф. На столе — чашка, недопитая, с тёмной жидкостью. Чёрная, густая, с запахом между кровью и машинным маслом.

— Кто-то был здесь, — сказал он. — И ушёл. Недавно.

Спальня. Койки. На одной — скелет. Человеческий, на боку, колени к груди. Остатки военной формы. Макс отшатнулся.

— Труп. Старый. Очень старый.

Не тронул. Снял на камеру. Пошёл дальше.

К вечеру нашёл комнату для ночлега. Одна дверь, запирается. Поставил палатку, постелил спальник. Проверил камеру — шесть часов записи.

— Первый день, — сказал в камеру. — Склад с противогазами и АЗК. Следы. Труп. Это только начало.

Выключил камеру. Оставил фонарь. Свет — защита. Свет — жизнь.

Часть седьмая: Первая ночь

Ночью — шаги.

Медленные, тяжёлые. Далеко. Приближались, удалялись. Снова приближались.

Макс лежал, не дыша, с ножом в руке. Сердце в горле. Шаги стихли.

Он не спал до утра. Смотрел в потолок. Тишина хуже шагов. Тишина означала: оно рядом. Ждёт.

Думал о доме. О квартире. О кофе. О матери, которая звонила каждый день. О девушке, которая бросила: «ты слишком obsessed, Макс». Она была права. Но это не важно. Он здесь. Он исследует. Он делает контент.

Утром встал. Собрал вещи. Проверил камеру — запись шла всю ночь. Просмотрел последние часы: темнота, звук. Дыхание. Его. И… что-то ещё. Далеко. Как будто кто-то скрёбся.

Выключил камеру. Начал собираться. Сегодня — госпиталь. Сектор Г.

Вышел из комнаты, заперев дверь. Коридор тот же — тёмный, сырой. Шёл по меткам. Через час — лестница на третий уровень.

Третий уровень другой. Стены — кафель. Белый, теперь жёлтый от времени и плесени. Лампы разбитые. Фонарь не работал. Только его.

Коридор вёл в зал. Толкнул двойные двери. Операционная.

Стол. Металлический, с ремнями. Ремни порваны. Не разрезаны — порваны. Как будто кто-то сильный разорвал их, как бумагу. На столе — пятна. Тёмные, засохшие. Кровь.

— Господи, — прошептал он. — Что здесь делали?

Инструменты на полу. Скальпели, зажимы, пилы. Сломаны. Согнуты. Как будто металл гнули голыми руками.

На стене — борозды. Как от когтей. Сверху вниз. Макс поднёс камеру.

— Те же царапины, что на деревьях. Только глубже. На бетоне.

Пошёл дальше. Коридор с палатами. Двери с номерами. Открыл первую.

Койка. Тумбочка. Окно заложено кирпичом. На койке — скелет. На спине, руки на груди. Как будто кто-то уложил.

— Это не просто смерть, — сказал он. — Это ритуал.

Палата 2 — пусто. Палата 3 — скелет сидит, смотрит в стену. Палата 4 — скелет на полу, череп разбит. Палата 5 — пусто. Палата 6 — детский скелет. Маленький.

Макс закрыл дверь. Сел на пол. Дышал тяжело. Сердце колотилось. Он готовился к опасности. Но не к детям.

— Просто кости, — сказал в камеру. — Они мертвы давно.

Встал. Пошёл дальше. Палата 7, 8, 9… В каждой — скелет. В некоторых — по два. В одной — пять. Застыли в момент смерти.

В конце — дверь «Морг». Толкнул.

Холод. Ледяной. Генераторы работали. Ряды ящиков. Открыл первый. Пусто. Второй — пусто. Третий — пусто. Чет-

вёртый — пусто.

Пятый — не пусто.

Тело. Не скелет. С кожей. Бледной, серой, но целой. Мужчина, лет сорока. Глаза закрыты. Руки на груди. Как будто умер вчера.

Макс отшатнулся. Ударился о стену. Камера дрожала.

— Невозможно, — прошептал он. — Бункер заброшен с восемьдесят шестого. Тридцать лет!

Подошёл ближе. Посветил. Кожа целая. Ногти целые. Присмотрелся.

Глаза открылись.

Макс закричал. Отшатнулся, упал, пополз назад. Камера упала, но писала. Тело не двигалось. Глаза смотрели в потолок. Пустые. Мёртвые.

Поднялся. Подошёл. Закрыл глаза. Кожа холодная, как лёд.

— Рефлекс, — сказал он в камеру, голос дрожал. — Мыш-

цы сократились. Это бывает.

Он не верил. Но нужно было верить.

Вышел из морга. Прислонился к стене. Руки дрожали.

— Ладно, — сказал он. — Я справлюсь.

Пошёл дальше.

Часть восьмая: Журнал

В конце госпиталя — кабинет. Стол, шкаф, сейф. Сейф открыт. Пусто. На столе — журнал.

Кожаная обложка. Надпись: «Журнал наблюдений. Сектор Г. 1985–1986».

Открыл первую страницу.

«12 марта 1985. Прибыл новый объект. Пациент №0. Рост — 4 метра 12 сантиметров. Вес — 180 килограммов. Кожа бледная, прозрачная. Конечности удлинённые. Реакция на свет — агрессия. Содержать в секторе Г, комната 7.»

Перевернул.

«15 марта. Пациент отказывается от пищи. Персонал жалуется на головные боли.»

«20 марта. Пациент начал издавать звуки. Низкие, утробные. Двое отказались работать.»

«1 апреля. Первый инцидент. Санитар Петров вошёл в комнату 7. Крик. Петров мёртв. Голова отделена. Пациент сидит в углу. Улыбается.»

Макс сглотнул.

«5 апреля. Пациент сбежал. Убил троих. Сектор Г закрыт. Пациент бродит по бункеру. Мы слышим шаги. Он не спешит. Он играет.»

«10 апреля. Забаррикадировались в лаборатории. Пациент ходит вокруг. Слышим дыхание. Он ждёт.»

«15 апреля. Нас пятеро. Вершинин сошёл с ума. Говорит, что мы создали что-то. Что должны уничтожить. Но как?»

«20 апреля. Вершинин пытался убить Пациента. Огнемёт. Пациент не пострадал. Вершинин мёртв. Слышим, как Пациент ест.»

Последняя запись.

«1 мая. Нас двое. Я и Сергей. Пытаемся выбраться. Коридоры изменились. Выход не найти. Пациент всегда рядом. Не убивает. Ждёт. Чего? Я слышу его. Он говорит моё имя. Как он узнал?»

«P.S. Если кто-то найдёт журнал — бегите. Не ищите выход. Просто бегите. И не оставайтесь на десятую ночь. Он приходит на десятую ночь.»

Макс закрыл журнал. Руки дрожали.

— Ребята, — сказал он в камеру. — Это реально. Они создали что-то. Что-то, что до сих пор здесь.

Положил журнал в рюкзак. Улика. Вышел из кабинета. Коридор тёмный. Тихий. Слишком тихий.

И тут услышал. Дыхание. Не его. Чужое. Глубокое, медленное. За спиной.

Обернулся. Ничего.

Но дыхание было. Чувствовал на затылке.

— Кто здесь? — крикнул он.

Ответа не было. Только дыхание. И потом — шаги. Медленные. Тяжёлые.

Макс побежал.

Часть девятая: Погоня

Бежал долго. Коридоры разветвлялись. Сворачивал, петлял. Шаги не отставали. Ритмичные, спокойные. Как будто оно знало: он никуда не денется.

Забежал в комнату. Закрыл дверь. Прижался спиной. Дышал тяжело. Противогаз запотел. Шаги приблизились. Остановились. Прямо за дверью.

Тишина. Долгая. Макс не дышал. Сердце билось так громко, что слышно в коридоре.

Потом шаги удалились. Медленно. Спокойно.

Сполз по двери. Сидел, обхватив колени. Дрожал.

— Оно играет, — прошептал он. — Как кошка с мышью.

Просидел час. Встал. Осмотрелся. Склад. Ящики. Противогазы, фильтры, АЗК. Пополнил запасы машинально.

Вышел. Коридор пуст. Пошёл дальше, стараясь не шуметь.

Через два часа нашёл. Сектор Г.

Двери огромные — металлические, толщиной в ладонь. Открыты. Согнуты. Разорваны изнутри. Металл скручен, как бумага.

Вошёл.

Зал огромный. Потолок терялся. В центре — вольер. Размером с ангар. Прутья толщиной в руку. Согнутые. Разорванные. Внутри пусто.

Подошёл. Посветил. На полу — кости. Много. Человеческие. И не только. Череп — большой, вытянутый, с огромными глазницами. Не человеческий.

— Это его, — прошептал Макс. — Пациент №0. Он был здесь.

Снял на камеру. Прутья, кости, металл. Доказательство. Настоящее.

Пошёл дальше. За клеткой — лаборатория. Столы, приборы, пробирки. Разбито, перевёрнуто. На стене — надписи кровью.

«ОНО ЗДЕСЬ»

«БЕГИ»

«НЕ ОСТАВАЙСЯ НА ДЕСЯТУЮ НОЧЬ»

Макс сглотнул. Прочитал ещё раз. Это было в журнале. В инструкции. Везде.

— Что происходит на десятую ночь? — спросил в камеру.

Тишина.

Нашёл ящик «Огнемёт. Осторожно». Пустой. Ящик с гранатами — пустой. С патронами — пустой. Оружие изъято. Или использовано.

В углу — скелет. В военной форме. Рядом — автомат. Разряженный. Поднял. Тяжёлый, холодный. Не взял — не знал,

как пользоваться. Но запомнил.

Провёл в секторе Г ещё два часа. Собрал образцы: металл, кости, пробирки. В герметичные пакеты. Улики.

К вечеру вернулся в комнату. Заперся. Съел консервы. Выпил воды. Лёг в спальник.

Ночью — шёпот.

— Ма-а-акс…

Замер. Шёпот повсюду. В стенах, в полу, в потолке. Из вентиляции.

— Ма-а-акс… я знаю, что ты здесь…

Закрыл уши. Но шёпот внутри. В голове.

— Ты пришёл ко мне… сам…

Закричал. Долго. Пока не сорвал голос. Шёпот стих.

Он не спал до утра.

Конец первого дня.

Продолжение следует…

ДЕНЬ ВТОРОЙ: Госпиталь

Часть первая: Утро

Макс не спал. Всю ночь он лежал с ножом в руке, смотрел в темноту и слушал. Шёпот не вернулся, но тишина была хуже — густая, давящая, как будто кто-то стоял за дверью и ждал.

Фонарь погас к утру. Батарея села. Макс заменил её на запасную и осмотрелся. Комната, стены, палатка — всё на месте. Он жив.

Тело болело. Спина, шея, плечи — бетонный пол не прощает. Он размялся, сделал несколько упражнений. Выпил воды. Съел батончик — не чувствуя вкуса.

Проверил камеру. Запись шла всю ночь. Батарея — шестьдесят процентов. Карта почти заполнена. Он заменил её.

Потом достал журнал. Открыл на последней странице.

«Не оставайся на десятую ночь.»

Он прочитал это вчера. И позавчера — в инструкции. И на форуме. Три года назад.

— Что происходит на десятую ночь? — спросил он вслух. Голос прозвучал глухо. Ответа не было.

Он убрал журнал. Собрал вещи. Сегодня — госпиталь. Сектор Г. Он должен туда попасть.

Часть вторая: Коридор

Он вышел из комнаты. Коридор тот же — тёмный, сырой, бесконечный. Но что-то изменилось. Тишина стала гуще. Как будто кто-то слушал.

Макс шёл по меткам, которые оставлял мелом. Но метки были не все. Некоторые стёрты. Кем-то. Или чем-то.

Он остановился. Посветил на стену. Метка — белая полоса. Рядом — царапины. Глубокие. Свежие.

— Оно ходит за мной, — прошептал он в камеру. — Оно

стирает метки.

Пошёл дальше. Быстрее. Рука на ноже. Глаза сканировали каждый угол.

Коридор вёл вниз. Пандус — тот самый, вчерашний. Металл застонал под ногами. Спустился на второй уровень. Потом на третий.

Третий уровень был другим. Стены — кафель. Белый, теперь жёлтый от времени и плесени. Лампы разбитые. Фонарь не работал. Только его.

Коридор вёл в зал. Толкнул двойные двери. Операционная.

Часть третья: Операционная

Стол. Металлический, с ремнями. Ремни порваны. Не разрезаны — порваны. Как будто кто-то сильный разорвал их, как бумагу. На столе — пятна. Тёмные, засохшие. Кровь.

— Господи, — прошептал он. — Что здесь делали?

Инструменты на полу. Скальпели, зажимы, пилы. Сломаны. Согнуты. Как будто металл гнули голыми руками.

На стене — борозды. Как от когтей. Сверху вниз, как будто существо сползало по стене. Макс поднёс камеру.

— Те же царапины, что на деревьях. Только глубже. На бетоне.

Провёл пальцем. Холодная, гладкая. Глубина — два сантиметра. Длина — метр. Записал на камеру.

Операционная была большой — три стола, шкафы с инструментами, раковины. Всё разбито, перевёрнуто. Как будто здесь боролись. Или убегали.

На столе, под слоем пыли, — журнал. Картонная обложка, размокшая. Открыл. Записи медицинские. Фамилии, диагнозы, даты. Все — 1985 год. Последняя запись — 1 мая.

«Пациент №0. Состояние нестабильное. Агрессия. Отказ от пищи. Реакция на свет крайняя. Персонал эвакуирован. Сектор Г закрыт. Я остаюсь. Кто-то должен документировать.»

Подпись — доктор Вершинин.

Макс сглотнул. Вершинин. Тот самый. Из первого журна-

ла. Он остался. Он документировал. Он умер здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.